

Научная статья
УДК 81'373.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-118
EDN: RPPYCE

К вопросу об антропонимических формулах в ярославских писцовых книгах 1627, 1628 и 1629 гг.

Жанна Константиновна Гапонова

Кандидат филологических наук, декан факультета русской филологии и культуры, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
janganp1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

Аннотация. Писцовые и переписные книги Ярославского уезда содержат ценный для историка языка материал, позволяющий сделать собственно языковые и социокультурные выводы об особенностях функционирования отдельных языковых единиц и мировоззренческих установках русского народа в переходный период от Средневековья к Новому времени. Исследование направлено на восполнение лакуны, существующей в исследованиях исторической, в том числе региональной, антропонимики XVII в. Описание антропонимов – компонентов лексической системы языка, функционирующих по своим внутренним законам, – позволяет автору выделить наиболее частотные модели именования лиц разного социального статуса (преимущественно ремесленников и крестьян), образующие антропонимические формулы, зафиксированные в «Списке с выписей ярославских книг письма и меры Ивана Никитича Головина да подьячего Никона Федорова, 135 и 136 и 137 году». Анализ антропонимов проводится на содержащемся в памятниках деловой письменности ярославского региона, впервые привлекаемом к исследованию историческом материале. Система календарных и некалендарных имен ярославского региона XVII в. показывает, что единая антропонимическая формула еще находилась в стадии становления, поэтому объем сведений о переписываемых ремесленниках и крестьянах, а также способ их представления во многом зависели от субъективной воли переписчиков и того, какие цели преследовало составление документа. Сопоставление полученных данных с выводами ученых-ониматологов других регионов позволяет еще раз поставить вопрос о статусе спорных элементов, включаемых в структуру антропонимической формулы, и дать некоторые комментарии отдельным некалендарным именам, зафиксированным в ярославских источниках.

Ключевые слова: антропоним; антропонимическая формула; антропонимическое тождество; история русского языка; региональная деловая письменность XVII в.; выписи из писцовых и переписных книг; календарные имена; некалендарные имена

Для цитирования: Гапонова Ж. К. К вопросу об антропонимических формулах в ярославских писцовых книгах 1627, 1628 и 1629 гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 118–128. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-118>. <https://elibrary.ru/RPPYCE>

Original article

Towards the issue of anthroponymic formulas in the Yaroslavl census books of 1627, 1628 and 1629

Zhanna K. Gaponova

Candidate of philological sciences, dean of the faculty of russian philology and culture, associate professor at the department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
janganp1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

Abstract. The scribal and census books of the Yaroslavl district contain valuable material for historians of language, allowing them to make linguistic and socio-cultural inferences about the functioning of specific linguistic units and the mindset of the russian people during the transition from the Middle Ages to the New Time. This research aims to fill a gap in the study of historical, as well as regional anthroponymy of the 17th century. The description of anthroponyms – the components of the lexical system that function according to their internal laws – makes it possible to identify the most common patterns of naming people of different social classes (mainly craftsmen and peasants), forming the

anthroponymous formulas recorded in the The Copy of Extracts from Yaroslavl Books of Letters and Measures by Ivan Nikitich Golovin and the Clerk Nikon Fedorov, Years 135, 136, and 137. The analysis of these anthroponyms is based on historical material found in the business chronicles of the Yaroslavl region, which has not been studied before. The system of calendar and non-calendar names in the Yaroslavl region in the 17th century shows that a unified anthroponymic formula was still in the stage of formation. Therefore, the amount of information about craftsmen and peasants, as well as how they were presented, depended largely on the subjective will of the scribes and the purpose of the document. The comparison of the Yaroslavl data with the conclusions of onomatologists from other regions raises questions about the status of certain elements in the anthroponymic formula. This leads to further discussion about controversial elements in the name structure and individual non-calendar names found in Yaroslavl documents.

Key words: anthroponym; anthroponymic formula; anthroponymic identity; history of the russian language; regional business writing of the XVII century; extracts from scribal and census books; calendar names; non-calendar names

For citation: Gaponova Zh. K. Towards the issue of anthroponymic formulas in the Yaroslavl census books of 1627, 1628 and 1629. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(4):118–128. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-118>. <https://elibrary.ru/RPPYCE>

Введение

Историческая региональная антропонимика вызывает интерес научного сообщества, поскольку материал, содержащийся в региональных источниках XV–XVII вв., позволяет сделать не только историко-лингвистические, но и социокультурные выводы, необходимые для формирования представлений о становлении регионального делопроизводства, оформления антропонимов в официальных документах, а также о некоторых мировоззренческих установках русского народа. При этом исследователь из Петрозаводска Л. П. Михайлова, отмечая богатство и своеобразие антропонимии Ярославской земли XVI в., обращает внимание на тот факт, что территория Ярославского Поволжья с точки зрения антропонимии является практически не исследованной [Михайлова, 2016, с. 137].

Несмотря на большое количество работ, посвященных исторической антропонимике (обозначим здесь только фамилии исследователей XXI вв.: И. М. Ганжина, Л. М. Городилова, И. А. Королева, И. А. Кюршунова, Е. Н. Полякова, Е. Ю. Сидоренко и другие), до сих пор нерешенными остаются вопросы, связанные с составом антропонимической формулы; с разграничением прозвищ и некалендарных имен; с происхождением отдельных имен и установлением их статуса; с разграничением фамилий и указанием на имя отца или прозвище; проблемы модификации отдельных имен, когда форма имени не позволяет однозначно определить, к календарному или некалендарному имени оно восходит и какие языковые процессы привели к закреплению той или иной формы имени и т.п.

Так, терминологические проблемы при выборе единицы описания имени собственного подробно обсуждает Л. М. Городилова: «на практике во многих исследовательских работах отра-

зилось неразличение номинативных и идентифицирующих средств, что привело к появлению большого количества терминов: «антропонимическая структура» (Фролов, 1972; Палагина, 1976), «антропосочетание» (Пахомова, 1984), «антропонимическая формула» (Карлова, 1991), «структурная формула именованья», «антропонимная формула», «развернутая антропонимическая формула именованья», «развернутая антропонимическая структура», «развернутая структурная формула именованья» (Королева, 1995; 2000, 2018), «антропонимическое сочетание» (Смольников, 1996; 2005), «именная формула» (Коваленко, 2003), «антропонимическая формула именованья лица» (Соловьев, 2005), «модель именованья лица», «развернутое именованье лица» (Неволина, 2011), «полное имя индивида» (Астахова, 2012) и др.» [Городилова, 2022, с. 1411–1412].

В своей работе мы будем пользоваться термином «антропонимическая формула», поскольку, на наш взгляд, он позволяет формально обозначить составляющие части антропонима, определить их позицию в структуре именованья. Кроме того, для нас значимым оказывается и формальный аспект при выборе термина: слова *формула* и *формуляр* являются однокоренными, поэтому весьма логичным кажется для анализа деловых документов с установленным или получившим распространение официальным формуляром использовать однокоренное слово. Вслед за Л. М. Городиловой под антропонимической формулой, у которой выделяются ядерная и периферийная зоны, будем понимать «совокупность сочетания личного имени, патронима, прозвища, фамильного прозвания или фамилии, расположенных в определенной последовательности» [Городилова, 2022, с. 1412].

Как отмечают М. В. Боброва и Е. А. Старцева

в статье «Прозвища в переписных документах XVII в. территории Муллы (Пермский край)», «система официального именованя человека в деловом письме XVII в. была достаточно сложной. Наиболее строгой и устойчивой она была в писцовых и переписных книгах, где антропоним был по преимуществу трехсоставным: имя, отчество и (часто уже сложившаяся) фамилия» [Боброва, Старцева, 2016, с. 153]. Вместе с тем данные исследований ономастологов по другим регионам позволяют сделать вывод, что в XVII в. единая антропонимическая формула еще находилась в стадии становления, поэтому объем сведений о переписываемых ремесленниках и крестьянах, а также способ их представления во многом зависели от субъективной воли переписчиков и того, какие цели преследовало составление документа. В силу этого результаты исследования антропонимов, полученные на основании анализа материалов деловой письменности по другим регионам (а на сегодняшний день мы имеем довольно большой пласт работ, посвященных антропонимике в вологодских, воронежских, донских, нижегородских, новгородских, пензенских, пермских, смоленских, тверских и других памятниках деловой письменности), не могут быть механически транслированы на антропонимикон Ярославля. Особый историко-культурный статус ярославских памятников деловой письменности определяется, с одной стороны, близостью к Москве, административно-деловой язык которой стал «образцом для всей территории русского государства», постепенно вытеснив «обычай на местах» [см. об этом: Кортанова, 2014], чему немало способствовала работа чиновников Поместного приказа, направляемых на места «писать и мерить» земли, с другой стороны, позицией Ярославля – не просто одного из крупнейших в XVII в. социально-экономических и культурных центров, но столицы (1612 г., как известно, Ярославль на несколько месяцев – с апреля по июль – стал столицей Руси), богохранимого града, формирующей оппозиционное отношение ко всему, что связано с московской государственностью.

Результаты исследования

Цель нашего исследования – описать особенности антропонимов, зафиксированных в ярославских писцовых книгах, выделить наиболее частотные модели именованя лиц разного социального статуса, образующие антропонимические формулы, обозначить «статус» составных элементов, включаемых в структуру формул и

дать некоторые комментарии отдельным некалендарным именам из ярославских писцовых книг.

Предметом исследования стало 365 антропонимических единиц, выявленных методом сплошной выборки из «Выписи с ярославских книг письма и меры» 1626–1629 гг.

Источником исследования послужил опубликованный в собрании И. А. Вахрамеева список с выписи из писцовой книги, содержащей описания дворов Пажецкой волости, а также Спасской и Богоявленской слобод, Дмитровской сотни и расположенных вокруг них земель города Ярославля 135, 136, 137 гг. [Список с выписей..., 1896], в котором отражены данные валового описания русских земель, предпринятого в 1626/27–1628/29 гг. и прерванного Смоленской войной. Описание вотчинных земель Спасского монастыря было выполнено несколькими комиссиями. Половину Ярославского уезда и Ярославль с Московской стороны были отправлены описывать служивший в московских дворянах Иван Никитич Головин и подьячий Патриаршего Разряда Никон Федоров. С целью более точной идентификации людей, а также выявления антропонимических тождеств, позволяющих уточнить состав ядерной и периферийной зоны антропонимической формулы, к анализу также привлекались «Правая грамота Государя царя и великого князя Михаила Федоровича ... 7135 (1627) г.», переписные книги ярославского городского населения 7154 (1646), 7177 (1668), 7178 (1669) и 7180 (1671), опубликованные в 1913 г. Ярославской ученой архивной комиссией. Каждый из этих памятников решал различные социоэкономические задачи. Например, в писцовых книгах 20-х годов XVII в., содержащих данные всеобщей переписи тяглого населения, находит отражение борьба за сохранение особого статуса вотчинных земель ярославского Спасского монастыря: его владения продолжают описываться «посошно», тогда как посадские – «подворно» – вплоть до следующей переписи 1646 г. («...слободка Спаская и Богоявленскій приходъ тянетъ с сошными людьми с монастырскою вотчиною а не с посадомъ») [Правая грамота..., 1896, с. 149]), вследствие чего зафиксированные в деловых документах этого периода антропонимические единицы оказываются довольно различными по структуре: писцы не ставят перед собой задачи системного установления родственных связей, отражения рода занятий или предыдущего места приписки переписываемых в

монастырских владениях лиц. Предпринятая по царскому указу перепись Ярославля писцами Тимофеем Алексеевым Собакиным и подьячим Ильсёй Кирилловым в 1646 г. решала по преимуществу задачу учета населения, поэтому переписчики фиксировали всех облагаемых податями лиц мужского пола, включая детей, тогда как структура и содержание книги 1671 г., отправленной в Москву из Ярославля думным дворянином и воеводой Григорием Михайловичем Аничковым «со товарищи», прямо определены задачей учета не только податных людей, но казенного имущества, включая «*пищалей и всяких пушечных запасов и свинцу и зеля*» [стлб. 491]. Эти различия во многом определяют особенности представления антропонимической формулы в разных источниках.

Антропонимические формулы в «Выписей с ярославских книг письма и меры ... 135 и 136 и 137 году»

Структурный анализ ярославских именованных лиц показывает наличие в ярославской антропонимической системе разнообразных антропонимических формул: одночленных, двучленных, трехчленных и четырехчленных единиц.

Для характеристики структурных элементов в антропонимической формуле воспользуемся буквенными обозначениями, предложенными Е. Ю. Сидоренко (падежные формы не дифференцируются, в выбранных буквах сразу указано происхождение единицы): **X** – христианское имя, **P** – неканоническое имя, **x** – патроним или фамилия, образованные от христианского имени, **p** – патроним или фамилия, образованные от неканонического имени, а также прозвище, указание на побочное занятие лица, его принадлежности к определенной местности, этнического происхождения [Сидоренко, 2004, с. 62].

Одночленные формулы представлены в «Выписи...» 1627–1629 гг. для именованных попов, реже дьячков, причем в таких антропонимических формулах, как правило, в препозиции находится указание на чин человека: *попъ Пантелей, попъ Григорей, дв. попа Бориса, дьяконъ Михайла, просвирня Оринка, пономарь Якунка, просвирня Антонидица* (Здесь и далее примеры из «Списка с выписей ярославских книг письма и меры...» даются без указания на источник). Единичны одночленные формулы в «Выписи» для ремесленных людей, например: *портные мастера Пронка да Ивашко*.

Рассмотрим подробнее, какие антропоними-

ческие формулы можно выделить среди именованных крестьян и ремесленных людей.

Наиболее частотны **двучленные структуры**, среди которых выделяется вариант **X + x** (174 употребления): *Филка Совостьяновъ, Обрамко Евтихеевъ, Панка Фодотовъ, Ивашко Кириловъ, монастырской бобыль Мишка Ивановъ, монастырской поваръ Логинко Степановъ, монастырской пушкаръ Тимошка Яковлевъ, Володка Григорьевъ, Васка Даниловъ, Фома Михайловъ, Оска Марковъ, Ивашко Филипповъ, огородникъ Карпунка Ивановъ*.

Еще одним довольно распространенным вариантом двучленной формулы является **X + p** (56 употреблений). Наши наблюдения показывают, что в качестве второго элемента антропонимической формулы может выступать патроним, образованный от неканонического имени (*Ивашко Будиловъ, Демка Калининъ, Левка Щукинъ, Оска Волкъ, Панко Докукинъ*), или прозвища (*Сергейко да Филка Швилевы, точилщикъ Ивашко Жоминъ, Ивашко Барыгинъ, Ивашко Чювѣра, Фодотко Лепешовъ, Мартюшка Шуравинъ огородникъ*). Обратим внимание, что в некоторых указанных примерах может показаться неочевидным отнесение второго компонента к патрониму, например: *Сергейко да Филка Швилевы*. На наш взгляд, мы имеем дело с патронимом *Швилев/Свилев* (в русских говорах довольно частотна мена С/Ш), образованным от прозвища *Свиля*, которое восходит к глаголу *свивать*. Свиля – ‘проворный, бойкий, расторопный человек’ [Даль, 2000, т. 4, с. 148; СРНГ, 2002, т. 36, с. 280]. Как видим в примере из «Выписи...», второй компонент формулы относится сразу к двум лицам, поэтому с большей долей вероятности указывает на то, что достался им от отца, у которого, возможно, было прозвище, впоследствии ставшее основой для образования родовой фамилии.

В случае, когда в качестве второго компонента выступает патроним, образованный от прозвища, определить мотивировочный признак, положенный в основу прозвищного наименования часто оказывается затруднительно по причине либо диалектного происхождения лексемы, либо ее полисемии, а вследствие этого множественной мотивации для наделения человека тем или иным прозвищем. Например, *Жомин* может быть образовано от диалектной единицы *жом*, представленной в говорах двумя омонимами, каждый из которых является полисемантом: ‘жердь для увязывания снопов и сена на возу’

(Арх., Волог. и др.); ‘затруднение, стеснение’ (Арх.); ‘об очень скупом человеке, скряге’ (Волог., Арх., КАССР, Сев.-Двин., Олон., Новг., Яросл., Костром., Пек., Перм.) и др. [СРНГ, 1987, т. 9, с. 214].

Единичны случаи, когда вторым компонентом формулы является единица, указывающая на место рождения или предыдущей приписки лица: *Ивашко Сигорской плотникъ* (от названия селения Сигорь), *слуга Федоръ Рыбенской* (от названия города Рыбинск), *Ивашко Костромитинъ* (от названия города Кострома), *Илейка Зубчанинъ* (от названия города Зубцов, откуда в Бого-явленском приходе было зафиксировано «шесть человекъ прихожихъ людей зубчанъ» [Правая грамота..., 1896, с. 127]). Это, вероятно определяется тем, что указанные люди платили подати вместе с монастырскими людьми, выйдя из тягла по предыдущему месту жительства.

Следующая двучленная антропонимическая формула указывает на первый компонент – неканоническое имя – и второй компонент – патроним, образованный от христианского имени, **Р + х** (33 употребления): *Вторышка Максимовъ, Неустройка Ефимовъ, Милютка Терентьевъ, Неупокойка Петровъ, Богдашко Панвильевъ, Дружинка Назарьевъ, Первушка Ивановъ, Баженко Омельяновъ, кузнецъ Неведко Левлевъ, Уланъ Олексъевъ, Постничко Остаевъ, Жданъ Обросимовъ.*

Самой малочисленной среди двучленных антропонимических формул в «Выписи...» оказалась формула **Р + р** (8 употреблений): *Богдашко Тупицынъ мыльникъ, Шестачко Насакинъ, Милютка Платуевъ каменщикъ, Шестачко Адичевъ мясникъ, Дружинка Дунаевской, Милютка Елцовъ, Любимка Дехтеря, Дружинка Тупица.*

Отмечая тенденции начала XVII века в именовании крестьян, И. М. Ганжина делает вывод, о «подавляющей двучленности формул именованья, употреблении личных имен в квалитативных формах, использовании большого количества прозвищ – ср.: *Ивашка Денешка, Третьячок Белюшта* (15), *Офонка Дурей, Ивашко Поскоряй* (16), *Ивашко Кривой, Ивашко Милован, Гришка Ребро* (20) и т.д.» [Ганжина, 2016, с. 131]. Исследователь солидарна с мнением Т. С. Астаховой, пришедшей к выводу, что «для языка среднерусского периода была свойственна конъюнкция личного имени и прозвища, тогда как для современного языка характерна их дизъюнкция» [цит. по: Ганжина, 2016, с. 131]. В исследуемой «Выписи...» мы наблюдаем иную картину, прозвища

выступают в качестве второго члена двучленной формулы только в 12 номинациях: *Ивашко Бьлогузь, Ивашка Горбунъ, Ивашко Боранъ, Ивашко Адамъ, Ивашко Чувъра, Ивашко Голыга, Матюшка Каротышка, Ивашко Дорода, Ивашко Дурной, Ошонка Щербакъ, Любимка Дехтеря, Дружинка Тупица.* При этом о тенденции к снижению антропонимического веса прозвищ и их переходе в статус идентификаторов свидетельствует тот факт, что, сохраняясь в антропонимических тождествах («*Иванъ Бьлогузь живетъ на монастырскомъ вкладномъ дворъ за монастыремъ лять с двадцать*» [Правая грамота..., 1896, с. 150]; «*монастырской плотникъ Ошонка Щербакъ Овдокимовъ сынъ*» [Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.), стлб. 228], «*Ивашко Григоревъ сынъ строгалникъ голыга, у него сынъ Митюшка, а 2 сына Оилка да Гришка сошли к Маскве 5 годов и ныне в стрѣлахъ в Олексъеве приказе Мещеринова*» [Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.), стлб. 236]), они утрачиваются во втором-третьем поколении семьи. Появление в более поздних памятниках патронимов *Дороднов, Тупицын, Горбунов, Дехтерев* на прямую не позволяет связать их носителей с названными лицами.

Трехчленные формулы именованья крестьян в ярославских писцовых книгах представлены несколькими разновидностями. Наиболее частотной является формула **Х + х + р** (7 употреблений), которую Е. Ю. Сидоренко в качестве единственной выделяет в своем исследовании памятников деловой письменности XVII века г. Тобольска [Сидоренко, 2004, с. 64]: *Титко Лукьяновъ Лисинъ, Микитка Калининъ баймакъ, Михалко Савинъ Дородновъ, Ортемко Григорьевъ Путятинъ.* Представлено несколько именованний, когда третьим компонентом антропонимической формулы является единица, указывающая на место рождения человека: *Ивашко Ивановъ Каловской* (название от села Калово), *дв. Ивашко Лукьяновъ Переславца* (от города Переславля), *Сидорка Трофимовъ Романовець* (от города Романов),

Среди трехчленных антропонимических формул выявлен в «Выписи» довольно устойчивый вариант фиксации женского имени (среди двучленных формул именованья женщин не представлено) – **Х + х/р + жена /дочь**: *вдова Марица Худяковская жена, вдова Онтонидка Васильева дочь, вдова Татьяна Максимова жена, вдова Маврица Филкина жена детеныша.*

Вариативной оказывается трехчленная формула, в которую включается компонент

сын /дети (5 употреблений): 1 вариант – **X + p + дети**: *Митка да Савка, Пospыловы дѣти, огородники*; 2 вариант – **X + x + сын/дети**: *Максимко да Михалка Степановы дѣти монастырские масленики, Степанко Макарьевъ сынъ, Илеико до Олѣимко Лукьяновы дети, Оверка Ивановъ сын.*

Замечен единичный случай именованія крестьянина в «Выписи», когда третьим компонентом формулы становится матроним – именованіе по женской линии, используемое в качестве родового имени (**X + x + x**): *огородникъ Гришка Ивановъ Окулининъ.*

Структура **четырёхкомпонентной формулы** представлена в варианте **X + x + сын + p**, который Е. Ю. Сидоренко выявляет как единственный для именованія крестьян [Сидоренко, 2004, с. 64] (16 употреблений): *Ѳедка Осиповъ сынъ Шулыгинъ, торгуеть отъгъжжмъ товаромъ, Иванъ Рукановъ сынъ Пановъ, Васка Давыдовъ сынъ Жареной; Василей Матвѣевъ сынъ Плеснинской, Андрюшка Викуловъ сынъ Урпенева (владѣеть по заемной кабалѣ недѣльцика Богдашки Иванова сына Стоянова, да сына ево Васки 134 году), Макарь Спиридоновъ сынъ Слѣпышевъ шапошникъ, служка Ивашко Семеновъ сынъ Стряпковъ, Овонасей Степановъ сынъ Чернеева (владѣеть по купчей Сенки Васильева сына Иконника посацкого челоуѣка 129 году), Ѳедка Ѳедоровъ сынъ Вишвая Нагавица.* В последнем примере в качестве родового имени указывается не слово-прозвище, а словосочетаніе *Вишвая Нагавица*. Любопытным оказывается факт обнаруженія такого же сочетанія во множественном числе по отношению к другому челоуѣку, причем в источнике указывается на то, что это прозвище, в Переписной книге 1646 г.: *дв. вдовы Оринны Дмитреевы – у неѣ ж живет Ивашко прозвище вишвые нагавицы – у него сынъ Ондрюшка* [Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.), 1913, стлб. 160]. *Нагавица (ноговица)* – ‘вид обуви или одежды, прикрывающей ноги’ [СлРЯ XI–XVII, 11, с. 415], слово зафиксировано в документах XIV–XVII вв. и сегодня полностью вышло из употребленія [Никонов, 1993, с. 83]. Однако в современных говорах слово до сих пор используется в речи в близком к указанному значеніи: ‘шерстяной чулок без ступни, закрывающий только голень ноги’ (подп., чер.) [СРГК, 4, 34]; ‘носки, гамаши’ (волог., нижегор., иркут.) [СРНГ, 21, с. 264]; ‘вид чулок на вате; гамаши’ [НОС, 6, с. 64].

В ярославской «Выписи» обнаружен интересный пример четырёхчленной антропонимической формулы, в которой одновременно представлен вариант христианского и древнерусского дохристианского имени отца: *служка Ермолка Михайловъ сынъ Зыбы.* Как отмечает С. Б. Веселовский, в 1539 г. в северо-восточной части Руси жил крестьянин по имени Зыба. *Зыба, зыбка* – ‘колыбель’; *зыбить* – ‘качать’ [Веселовский, 1974, с. 125]. Лексемы представлены в русских говорах в значеніях ‘колыбель, люлька’ (*Баю, баю за зыбою, Отец пошел за рыбою.* Моск., Беломор.; ‘топь, трясина’ (Пек., Слов. Акад. 1907) [СРНГ, 12, с. 27].

В четырёхчленных антропонимических формулах может быть представлена вариативность компонентов: **X + p + сын + x** (*Гришка Макарьевъ сынъ Назарьевъ*); **P + x + сын + p** (*Баженко Омельяновъ сынъ Сорокоумовъ*); **X + x + жена + p** (*вдова Оксиница Васильевская жена Шестова*).

Единичны многочленные наименованія лиц, в структуру антропонимической формулы которых входит слово прозвище, например: **X + x + прозвище + p** (*дв. Ивашка Ивановъ прозвище стрѣлецъ*), **X + прозвище + p + x** (*дв. дячекъ Давыдко, прозвище Нежданко Селиванова; дв. Паришка, прозвище Дворка, Сидоровъ*); **X + прозвище + p + x + сын** (*владѣеть по купчей 127 году продавца посацкого челоуѣка Ромаши прозвище Дружинки Якимова сына мясника*). Как отмечают исследователи, маркированность именованія словом прозвище постепенно вытесняется, потому что «с XVII в. проходил активный процесс образованія фамилий, и слово прозвище (как и сами прозвища) постепенно уходило из официальных бумаг» [Боброва, Старцева, 2016, с. 153]. Этот процесс находит отраженіе и в ярославских писцовых книгах. По мненію И. М. Ганжиной, в XVII в. у крестьян уменьшается количество нехристианских имен, они становятся гораздо менее разнообразными по семантике, а те, что несут качественную оценку, в этот период уже переходят в состав прозвищ, занимая второе или третье место в составе именованія. Ср.: *Ивашка Ортемьев прозвище Куренок; Яков, прозвища Нелюбай, Спиридонов; Ивашка Сергеев, прозвище Карла* и др. [Ганжина, 2016, с. 119]. Как показывают приведенные выше примеры, при слове прозвище, как правило, употреблялись лексемы, номинирующие челоуѣка некалендарным именем или указывающие на его род деятельности. Но в Переписной книге 1646 г. нам встретился пример, когда в качестве прозвища мужчине дается христианское

имя (**Х + прозвище + х + х + сын**): *монастырской бобыль Вахромъико прозвищем Федка Крисановцев сынъ – у него дѣти Олешка да Ивашко 7 годов* [Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.), 1913, стлб. 226]. Анализируя подобную практику на материале пермских источников, М. В. Боброва и Е. А. Старцева обращают внимание на то, что в семьях могли существовать добавочные «домашние» имена, которые родители давали детям до крещения, они также помогали идентифицировать лицо «в ситуации дублирования имен в многодетных крестьянских семьях» [Боброва, Старцева, 2016, с. 155]. Таким образом, бытовым именем выступало имя Федка, тогда как крещен ребенок был в честь святого Варфоломея (Вахромей просторечный вариант греческого имени).

Многочленные антропонимические формулы показывают, что структура могла включать достаточно большое количество компонентов при необходимости точнее идентифицировать человека: *дв. Ульяновки Петровской жены Иванова сына Попова*.

Вопрос о статусе в антропонимической формуле компонентов, указывающих на род деятельности человека

Рассматривая ядро и структуру антропонимической формулы, Л. М. Городилова к проблемным вопросам относит «определение статуса лексем со значением ‘название лица по роду деятельности’, ‘название лица по месту рождения или жительства’, ‘название лица по этнической принадлежности’, которые могут располагаться как перед антропонимической моделью, так и после нее» [Городилова, 2022, с. 1413]. Указывая, что среди антропонимистов-историков нет единства мнений, сам исследователь приходит к выводу, что в препозиции такие лексемы, как *бронник*, *кузнец* и т.п., выполняют характеризующую функцию и могут быть отнесены к идентификаторам, а в постпозиции аппеллятивы со значением ‘род деятельности лица’ подверглись десемантизации и стали структурным компонентом антропонимической модели [Городилова, 2022, с. 1416].

Попытки идентифицировать человека среди других в зависимости от определенных целей обусловили, как мы уже отмечали, вариативность антропонимических формул в писцовых и переписных книгах. Отсутствие строго регламентированных норм в оформлении деловых бумаг в XVII веке заставляет исследователей при анализе тех или иных исторических источников обращать внимание на «местную» практику со-

ставления определенных типов документов, а в ряде случаев и на особенности стиля того или иного писца, которые, видимо, определялись стоящими перед ним задачами, его коммуникативными способностями, а также (перепись выполнялась «со слов») социокультурным уровнем самих респондентов.

Во многом солидаризируясь с учеными, занимающимися историческим антропонимиком, и опираясь на анализ ярославских писцовых книг, мы вынуждены прокомментировать некоторые моменты, с которыми позволим себе не соглашаться. Ярославская «Выпись...» содержит многочисленные указания на род деятельности человека, которые мы склонны не рассматривать в качестве компонента антропонимической формулы, а считать идентификатором имени: *кузнецъ, плотникъ, портной мастеръ, ремесленные люди, мелникъ, мясникъ, перевозчикъ, пушкаръ, скоморохъ, щепникъ, рукавичникъ, колашникъ* и многие другие.

Рассмотрим некоторые примеры, свидетельствующие, на наш взгляд, об идентифицирующей функции аппеллятивов, указывающих на род деятельности лица. Если такой аппеллятив входит в структуру антропонимической формулы, то он должен сохранять статус постоянного структурного компонента, не зависящего от позиции в антропонимической формуле. Рассмотрение антропонимических тождеств, определяющих одно и то же лицо в различных письменных источниках, позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, по отношению к одному и тому же человеку мы можем наблюдать указание на род деятельности в одном источнике и отсутствие этого указания в другом, например: *Наумка Семеновъ* (ср. *Наумко Семенов масленикъ*), *Калинка Ортемьевъ кирпичикъ* (ср. *Калинка Ортемев сынъ калотилицик, у него дѣти Першка да Якунка 12 годовъ*), *Ивашко Кирилов сынъ овсяникъ* (ср. *Ивашко Кириловъ*); *Семейка Семеновъ сынъ сырешицикъ* (ср. *монастырской бобыль Сенка Семеновъ*); *Богдашко Тупицынъ мылникъ* (ср. *Богдашко Яковлевъ сынъ Тупицынъ*); *Оношка Клементьевъ* (ср. *Амоско Клементьев сынъ шапочникъ – у нег дѣти Исачко 16 годов, Гришка 12 годов*); *дв. посадицког челоуька Онашки Евтиева сына—у него сынъ Семейка* (ср. *во дв. Ананя Евтиевъ портной мастер у него живет сосед Терентей Иванов ницей бою бердыш; во дв. Оношка Евтиевъ бою копе*; ср. м. *Онашки Евтиева ветошника*). То есть выделенный компонент может считаться необязательным в

структуре имени, если в одном из источников его отсутствие не лишает писца или другого человека возможности идентифицировать личность по указанию на отца. Кроме того, определение профессионального статуса человека с помощью словосочетания лишает, на наш взгляд, возможности выступать ему в качестве компонента антропонимической формулы из-за возникающей избыточности, поскольку впоследствии лишь из одного слова может возникнуть фамилия: *Павликъ портной мастеръ; Ананя Евтиѳьевъ портной мастеръ*.

Во-вторых, употребление идентификатора по отношению сразу к нескольким людям (*Савка да Якунка строгалники; во дворъ живутъ монастырскіе бобыли Данилко Ѳеодоровъ, Алешка Еремеевъ, Игнашка Ѳеодоровъ ветошники*) не позволяет, на наш взгляд, апеллировать считать компонентом индивидуальной антропонимической формулы.

В-третьих, в разных источниках при именовании одного и того же человека может наблюдаться смена пре- и постпозиции идентификатора: *Ѳедка водовозъ* (ср. *монастырской водовозъ Ѳедка Ѳовановъ*); *во дв. монастырского служки Ивашка Горбуна* (ср. *Ивашка Горбунъ, монастырской овчинникъ*); *кузнецъ Олешка Ондреевъ* (ср. *бобыль Олешка ОндРБевъ сынъ кузнецъ*); *Первушки монастырского повара* (ср. *монастырской повар Первушка Тихоновъ*).

Аргументом в пользу идентифицирующей функции апеллиатива, называющего человека по роду деятельности, может стать указание на разные виды деятельности в разных источниках или синонимичные определения при назывании профессионального статуса человека: *Гарасимко Ивановъ хлебникъ* (ср. *Гарасимко Ивановъ сынъ мушникъ*); *Ѳедка Осиповъ сынъ Шульгинъ, торгуетъ отъѳъжимъ товаромъ* (ср. в другом источнике *монастырской служка Ѳетка Осиповъ сынъ ѳонарникъ у нег дѳти Ивашко 10 годов да Ортюшка 5 годов*); *Милютка Платуѳьевъ каменщикъ* (ср. *Милютка Евсѳевъ сынъ Платушевъ строгалникъ у нег дѳти Пронка да Лучка да Матюшка*); *дв. Дружинки Овдокимова монастырского портного мастера* (ср. *дв. Дружинка Овдокимовъ кветанникъ*).

Однако в том случае, когда наблюдается процесс оформления фамилии из слов, указывающих на профессиональный статус или прозвище, мы, безусловно, можем их считать компонентом антропонимической формулы, например: *Ивашко Замошкин* (ср. в другом источнике: *Ивашко*

Василевъ сынъ замошникъ).

Эти и другие примеры, позволяют обратить внимание, что в исследуемой «Выписи...», имеющей целью учет земель Спасского монастыря и проживающих на них крестьян и ремесленников, Ярославль описывается в составе уезда и при описании городской территории писцов более интересуют количество проживающих на дворе душ (некоторые даже не фиксируются поименно: «семнатцать челоѳкъ бѳдныхъ людей»), правовые основания, доказывающие владение тем или иным двором. Указание на ремесло или род занятий в равной степени представлено в пре- и постпозиции, зачастую в описаниях людей, проживающих на одном дворе, демонстрирует, что постпозиционно расположенные лексемы со значением ‘род деятельности лица’ в исследуемом памятнике являются идентификаторами и не подвергаются антропонимизации. Таким образом, однозначно делать вывод о необходимости включения компонента, связанного с родом деятельности человека, в антропонимическую формулу в качестве антропонима на основании его положения в постпозиции по отношению к личному имени, нельзя, установить статус этого компонента помогает сопоставление источников, в которых зафиксированы антропонимические тождества. Так, в примере «*Пронка Емельяновъ Пугвичникъ Москвитянинъ*» одновременно присутствуют два идентификатора, указывающие на род деятельности и место рождения человека, что можно установить, сопоставив эту формулу с представленной в другом источнике: *монастырской бобыль Пронка Емельяновъ сынъ шрвошникъ у него сынъ Петрунка бежалъ в прошлом во 153-м году, другой Ванка 15 лѳтъ* [Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.), 1913, с. 227], согласно которому пришлый человек Прохор Емельянов сменил ремесло.

Как правило, тенденция к антропонимизации наблюдается в двучленных формулах: *Огавонко кирпичникъ, Васка торочешникъ, монастырской служебникъ Васка токарь, монастырской служебникъ Томилко бочкарь, служки Савки Шубина* (ср. *сошка Савка Ѳеодоровъ сынъ Шубинъ*) – и реже в многочленных: *дв. Ивашка Ивановъ прозвище стрѳлецъ; Ѳедка Ивановъ сынъ Свечинъ*.

Заключение

Таким образом, результаты исследования антропонимов, полученные на основании анализа ярославских писцовых книг первой половины XVII в. свидетельствуют о переходном характере

деловой письменности в рассматриваемый период. Разнообразие антропонимических формул показывает отсутствие в первой половине XVII века жесткозакрепленных моделей именования человека, о трансформации антропонимической формулы в зависимости от типа документа и решаемых в процессе его составления задач. Самой частотной антропонимической формулой в ярославском «Списке с выписей ярославских книг письма и меры Ивана Никитича Головина да подьячего Никона Федорова, 135 и 136 и 137 году» является двучленная структура: личное христианское имя + патроним, также образованный от христианского имени (174 антропонима или 48 % от общего количества проанализированных единиц), группы трехчленных и четырехчленных именованных малочисленны по сравнению с другими памятниками деловой письменности XVII века г. Ярославля и представлены примерно одинаковым количеством употреблений. Полученные данные позволяют сделать вывод, характерный для большинства территорий России: в первой половине XVII веке лишь наметились тенденции формирования антропонимической модели, близкой современной. При этом ярославские писцовые и переписные книги содержат богатый антропонимический материал, фиксирующий практику функционирования некалендарных имен и прозвищ, их семантические особенности, который требует дальнейших исследований для определения степени соответствия Ярославского Поволжья общероссийским тенденциям формирования антропонимикона.

Библиографический список

1. Боброва М. В., Старцева Е. А. Прозвища в переписных документах XVII в. территории Муллы (Пермский край) // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.). Арзамас – Саров : Интерконтакт, 2016. С. 153–156.
2. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. Москва : Наука, 1974. 382 с.
3. Ганжина И. М. Антропонимическое пространство средневекового города (на материале «Дозорной книги города Твери 1616 года») // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции, Арзамас, 13–16 сентября 2016 года. Арзамас : Интерконтакт, 2016. С. 129–133.
4. Ганжина И. М. Об основных тенденциях антропонимической номинации преднационального периода (на материале тверских памятников деловой письменности XVI–XVIII веков) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 114–121.
5. Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.) книги переписных переписи Тимофея Алексея Собакина и подьячего Ильи Кирилова // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль : Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 77–240. (Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии; Кн. 6. Вып. 3–4).
6. Город Ярославль. 7177 (1668 г.) переписная книга по г. Ярославлю // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль : Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 241–372. (Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии; Кн. 6. Вып. 3–4).
7. Город Ярославль. 7178 г. (1669 г.) книги переписные Ярославлю городу // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль : Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 373–490. (Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии; Кн. 6. Вып. 3–4).
8. Город Ярославль. 7179. (1671 г.) переписная книга по г. Ярославлю // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль : Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 491–584. (Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии; Кн. 6. Вып. 3–4).
9. Городилова Л. М. Статус пограничных компонентов антропонимической формулы в памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики = Philology. Theory & Practice. 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1410–1417.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва : Русский язык, 2000.
11. Кортова Т. В. О русской канцелярской традиции // Вестник ТГГПУ. 2014. №4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-russkoy-kantselyarskoj-traditsii> (дата обращения: 01.06.2024).
12. Михайлова Л. П. Из антропонимии Ярославского правобережья (по писцовым материалам XVI века) // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.). Арзамас – Саров : Интерконтакт, 2016. С. 133–137.
13. Никонов В. А. Словарь русских фамилий. Москва : Школа-Пресс, 1993. 224 с.
14. Новгородский областной словарь (НОС): в 13 вып. Вып. 6. Новгород : Изд-во Новг. пед. ин-та, 1994.
15. Правая грамота Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и отца его Государя Великого Государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси на Спасову слободку и на Богоявленской приход и в Кремле городе и в остроге и за острогом и на посаде и на монастырские двory и в них на жильцов и на служебников и на крестьянские двory и на огородные места 7135 (1627) г. // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И. А. Вахрамеевым. Т. 1. Москва : Синодальная типография, 1896. С. 124–155.

16. Сидоренко Е. Ю. Структуры антропонимической формулы в Тобольской деловой письменности XVII века // Традиции славяно-русской культуры в Сибири: материалы 26-ой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 24 мая – Дню равноапостольных Кирилла и Мефодия, празднованию Сибирской пушкинианы. Тюмень, 2004. С. 63–66.

17. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК): в 6 в. Вып. 4. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 685 с.

18. Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 1–50. Санкт-Петербург : Наука, 1966–2017.

19. Словарь русского языка XI–XVII вв. (СЛРЯ XI–XVII): в 31 т. Т. 11. Москва : Наука, 1986. 456 с.

20. Список с выписей ярославских книг письма и меры Ивана Никитича Головина да подьячего Никона Федорова, 135 и 136 и 137 году // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И. А. Вахрамеевым. Т. 3: Выписки из писцовых и переписных книг. Москва : Синодальная типография, 1896. С. 1–85.

Reference list

1. Bobrova M. V., Starceva E. A. Prozvisshha v perepisnyh dokumentah XVII v. territorii Mully (Permskij kraj) = Nicknames in the XVII century census documents of Mulla territory (The Perm region) // Onomastika Povolzh'ja: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Arzamas, 13–16 sentjabrja 2016 g.). Arzamas – Sarov : Interkontakt, 2016. S. 153–156.

2. Veselovskij S. B. Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvisshha i familii = Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames. Moskva : Nauka, 1974. 382 s.

3. Ganzhina I. M. Antroponimicheskoe prostranstvo srednevekovogo goroda (na materiale «Dozornoj knigi goroda Tveri 1616 goda») = Anthroponymic space of a medieval city (based on the «Watch Book of the City of Tver in 1616») // Onomastika Povolzh'ja: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Arzamas, 13–16 sentjabrja 2016 goda. Arzamas : Interkontakt, 2016. S. 129–133.

4. Ganzhina I. M. Ob osnovnyh tendencijah antroponimicheskoi nominacii prednacional'nogo perioda (na materiale tverskih pamjatnikov delovoj pis'mennosti XVI–XVIII vekov) = On the main tendencies of anthroponymic nomination in the pre-national period (the case study of Tver business documents of the XVI–XVIII centuries) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2016. № 1. S. 114–121.

5. Gorod Jaroslavl'. 7154 g. (1646 g.) knigi perepisnyja perepisi Timofeja Aleks'eva Sobakina i pod'jachago Il'i Kirilova = The city of Jaroslavl. 7154 (1646) the census books of Timofey Alekseev Sobakin and scribe Ilya Kirilov // Jaroslavskie piscovyje, dozornye, mezhevyje i perepisnye knigi XVII v. Jaroslavl' : Tipo-lit. Nikolaevoj, 1913. Stlb. 77–240. (Trudy Jaroslavskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii; Kn. 6. Vyp. 3–4).

6. Gorod Jaroslavl'. 7177 (1668 g) perepisnaja kniga po g. Jaroslavlju = The city of Jaroslavl. 7177 (1668) the census books of Jaroslavl // Jaroslavskie piscovyje, dozornye, mezhevyje i perepisnye knigi XVII v. Jaroslavl' : Tipo-lit. Nikolaevoj, 1913. Stlb. 241–372. (Trudy Jaroslavskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii; Kn. 6. Vyp. 3–4).

7. Gorod Jaroslavl'. 7178 g. (1669 g.) knigi perepisnye Jaroslavlju gorodu = The city of Jaroslavl. 7178 (1669) the census books of the city of Jaroslavl // Jaroslavskie piscovyje, dozornye, mezhevyje i perepisnye knigi XVII v. Jaroslavl' : Tipo-lit. Nikolaevoj, 1913. Stlb. 373–490. (Trudy Jaroslavskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii; Kn. 6. Vyp. 3–4).

8. Gorod Jaroslavl'. 7179. (1671 g.) perepisnaja kniga po g. Jaroslavlju = The city of Jaroslavl. 7179 (1671) the census book of Jaroslavl // Jaroslavskie piscovyje, dozornye, mezhevyje i perepisnye knigi XVII v. Jaroslavl' : Tipo-lit. Nikolaevoj, 1913. Stlb. 491–584. (Trudy Jaroslavskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii; Kn. 6. Vyp. 3–4).

9. Gorodilova L. M. Status pograničnyh komponentov antroponimicheskoi formuly v pamjatnikah delovoj pis'mennosti Prienisejskoj Sibiri XVII v. = Gorodilova L. M. The status of anthroponymic formula border components in the business documents of the East Siberia in the XVII century // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice. 2022. T. 15. Vyp. 5. S. 1410–1417.

10. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka = The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language : v 4 t. Moskva : Russkij jazyk, 2000.

11. Kortava T. V. O russkoj kanceljarskoj tradicii = On the Russian clerical tradition // Vestnik TGGPU. 2014. №4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/orusskoj-kantselyarskoj-traditsii> (data obrashhenija: 01.06.2024).

12. Mihajlova L. P. Iz antroponimii Jaroslavskogo pravoberezh'ja (po piscovym materialam XVI veka) = From the Jaroslavl right river bank anthroponymy (based on the XVI century scribal materials) // Onomastika Povolzh'ja: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Arzamas, 13–16 sentjabrja 2016 g.). Arzamas – Sarov : Interkontakt, 2016. S. 133–137.

13. Nikonov V. A. Slovar' russkih familij = The Dictionary of Russian surnames. Moskva : Shkola-Press, 1993. 224 s.

14. Novgorodskij oblastnoj slovar' (NOS) = Novgorod regional dictionary (NRD) : v 13 vyp. Vyp. 6. Novgorod : Izd-vo Novg. ped. in-ta, 1994.

15. Pravaja gramota Gosudarja carja i velikogo knjazja Mihaila Fedoroviča vseja Rusi i otca ego Gosudareva Velikogo Gosudarja svjatejshego patriarha Filareta Nikiticha Moskovskogo i vseja Rusi na Spasovu slobodku i na Bogojavlenskoj prihod i v Kremle gorode i v ostroge i za ostrogom i na posade i na monastyrskie dvory i v nih na žil'cov i na sluzhebnykh i na krest'janskije dvory i na ogorodnye mesta 7135 (1627) g. = The right charter of the

Sovereign Tsar and Grand Duke Mikhail Fedorovich of All Russia and his father, the Grand Sovereign, His Holiness Patriarch Philaret Nikitich of Moscow and All Russia for Spasova Slobodka and for the Epiphany parish and in the Kremlin city and in the prison and behind the prison and on the settlement and for the monastery yards and in them for tenants and servants and peasant yards and on the garden plots 7135 (1627) // *Istoricheskie akty Jaroslavskogo Spasskogo monastyrja* / izd. I. A. Vahrameevym. T. 1. Moskva : Sinodal'naja tipografija, 1896. S. 124–155.

16. Sidorenko E. Ju. *Struktury antroponimicheskoj formuly v Tobol'skoj delovoj pis'mennosti XVII veka = Anthroponymic formula structures in Tobolsk business writing of the XVII century* // *Tradicii slavjano-russkoj kul'tury v Sibiri: materialy 26-oj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 24 maja – Dnju ravnoapostol'nyh Kirilla i Mefodija, prazdnovaniju Sibirskoj pushkiniany*. Tjumen', 2004. S. 63–66.

17. *Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej (SRGK) = Dictionary of Russian dialects of Karelia and neighboring regions (SRDK)* : v 6 v. Vyp. 4. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1999. 685 s.

18. *Slovar' russkih narodnyh govorov (SRNG) = Dictionary of Russian folk dialects (DRFD)*. Vyp. 1–50. Sankt-Peterburg : Nauka, 1966–2017.

19. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. = Dictionary of the Russian language in XI–XVII centuries. (SIRJa XI–XVII)*: v 31 t. T. 11. Moskva : Nauka, 1986. 456 s.

20. *Spisok s vypisej jaroslavskih knig pis'ma i mery Ivana Nikiticha Golovina da pod'jachego Nikona Fedorova, 135 i 136 i 137 godu = The Copy of Extracts from Yaroslavl Books of Letters and Measures by Ivan Nikitich Golovin and the Clerk Nikon Fedorov, Years 135, 136, and 137* // *Istoricheskie akty Jaroslavskogo Spasskogo monastyrja* / izd. I. A. Vahrameevym. T. 3: *Vypiski iz pis-covyh i perepisnyh knig*. Moskva : Sinodal'naja tipografija, 1896. S. 1–85.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted on 30.09.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024